

ОБРАЗЫ МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ: РЕТРАНСЛЯЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И НОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Одним из оснований анализа женской поэзии – основанием безусловно специфическим – может выступать тема материнства. Мужчина способен создать образ матери, тогда как образ материнства – никогда. Это та точка, которая разделяет и никогда не примирит мужчину и женщину. Основой устойчивости образа материнства является его возникновение еще в архаических представлениях и ретрансляция через культурную или культурно-религиозную идеализацию в новые литературные традиции в неизменном виде.

К. Юнгом был выделен архетип Великой Матери, воплощающий собой единый обобщенный образ материнства. Важно отметить, что речь шла о любви к детям вообще, а не к своим детям. Хоть Юнг утверждал, что архетип Великой Матери берет начало от реального образа матери, Прародительницы жизни, на самом деле он никоим образом не соотносился с реальной матерью и в большей степени был связан с детородной функцией, символизируя зарождение жизни. К образу Великой Матери К. Юнг относил все женские архетипы: прародительницы-воды, юной зари, кормилицы-земли... Нужно сказать, что в славянской фольклорной традиции основой жизни выступала не женщина, а земля: *«На хорошей земле дитя посади, и то вырастет»*, *«Земелька – мать наша: и кормит, и поит, и одевает нас»* [9, 253]. Данные пословицы представляют собой наглядный пример отношения к материнству. Согласно архаическим представлениям, детородная функция – это физиология, и ничего более. Способность родить ребенка воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Р. М. Ковалева связывает такую концепцию с патриархальным сознанием, имеющим место и в современном обществе, а это значит, что и по сей день такое отношение к женщине существует, и вполне закономерно, что оно транслируется в поэтических текстах:

*Давным-давно я видела документальный фильм
об одном странном человеке из породы
так называемых «деклассированных элементов»..
<...> среди прочего он произнес задумчиво:
Что женщины?
Второстепенные люди жизни... [12, 67].*

Ретрансляция образов материнства современной поэзией происходит, конечно, не непосредственно, а через некоторые этапы, с включением различных влияний. А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Ахмадулина, Р. Казакова – каждая из поэтесс по-своему интерпретировала тему материнства. Современная поэзия учла традицию, созданную ими, и, если говорить об

эстетике и стиле, привнесла много нового. Рассмотрим основные векторы, по которым происходит развитие темы.

В координатах «материнство – творчество» существуют две точки зрения. С одной стороны, **материнство противопоставлено творчеству** [17, 62], т. е. рассматривается как то, что мешает творчеству, с другой стороны, **материнство воспринимается как творческое начало**, как то, что способствует написанию стихов, предусматривая сравнение с самыми различными и непредсказуемыми реалиями жизни как в положительном, так и отрицательных ракурсах.

Материнство как противопоставление творчеству предусматривает трудное совмещение поэтессы и матери в одном лице, борьбу двух важнейших ценностей между собой. Душа матери мечется между ребенком и творчеством, осознает свою вину перед ребенком, но вместе с тем не может не творить. В связи с выбором между творчеством и материнством М. Шопова выделяет такую формулу, как «дурная мать», нередко встречающуюся в стихотворениях А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной. Исследовательница приводит такие строки трех поэтесс:

Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,

Я дурная мать (А. Ахматова «Колыбельная»).

Невмочь мне, говорю,

Быть тем, что есть, и возжаком семейства,

вобравшего зверье и детвору (Б. Ахмадулина, «Я вас люблю, красавицы столетий»).

Дурная мать! – Моя дурная слава

Растет и расцветает с каждым днем.

То на пирушку заведет лукавый,

То первенца забуду за пером (М. Цветаева «Памяти Беранже»;

[17]).

В современной поэзии формула «дурная мать» присутствует, однако не имеет столь ярко выраженный характер. Скорее поэтесса пишет о жизни в целом, противопоставляя не только материнство и творчество, но и материнство и жизнь.

Иду по канату.

Для равновесия –

двое детей на руках (Вера Павлова; [17]).

Имеет смысл подробнее остановиться на второй, более распространенной точке зрения: **материнство как творческое начало**. Женщина осознает, что именно она являет собой основу жизни, знает цену себе цену (чего не наблюдалось в фольклорных текстах). Традицию составляют многочисленные стихотворения Ахматовой и Цветаевой, посвященные их детям. В данном случае мать не просто пишет с любовью о своих детях, о неразрывной связи ребенка с матерью («он поймет // потому что он маленький» [8], но также использует образы материнства для сопоставления с кем-либо/с чем-либо. Как правило, женщина переносит любовь к ребенку на мужчину, что ярче всего представлено в творчестве

Марины Цветаевой: «...как мальчика, баюкай на груди...» [16, 30] Любовь воспринимается М. Цветаевой как «боль, знакомая, как глазам – ладонь // Как губам – //Имя собственного ребенка» [16, 279]. Понятие любви у М. Цветаевой совместимо с понятием материнства. М. Шагинян назвала это чувство «любовным материнством» [13, 92].

В большей степени данная точка зрения предусматривает проецирование образов материнства на процесс творчества и на все, что есть вокруг. Дети и материнство воспринимаются как высшее счастье, **радость**. И не зря. Ю. С. Степанов видит этимологическую близость у слов **радость, родить, ради** [13, 163].

Так любят только дети (Анна Ахматова; [1]).

Я говорю сейчас словами теми,

что только раз рождаются в душе (Анна Ахматова; [2]).

Образ творчества как рождения распространен и сейчас:

<...> Стенки сосуда рушатся, чувствуя натиск Слова [3].

В современных текстах дети и материнство также весьма часто символизируют радость, позитивные эмоции:

<...> у меня есть чувство,

что я буду рождаться снова и снова [12].

Мы дождемся, дозовемся, мы родимся.

Мы назовемся дваждырожденными [4].

Кроме явно выраженной темы материнства, в современной поэзии часто смыслы и образы даны имплицитно:

<...> взрослые пропадают в капусте

взрослых уносит аист

иногда они сами убегают из дому

взрослых не выбирают [5, 108].

Образы материнства, окрашенные трагизмом, ближе современным поэтессам. В текстах часто встречается образ «вынашивания» в себе чувств, сопоставимых с вынашиванием ребенка. При этом сталкиваются самые противоположные начала: жизнь и война, жизнь и беда, жизнь и смерть. Вынашивание смерти изначально противоречиво, так как вынашивание предусматривает рождение, жизнь:

<...> я, кажется, не потяну

столько смертей носить,

вынашивая одну. [15]

Я родился внутри войны

от обьевишихся белены

матери и отца.

ты родился внутри беды

от обьевишихся лебеды [4].

Образы материнства в современной женской поэзии отличаются от «ахматовско-цветаевской» традиции физиологичностью:

<...> Жнец. И швец,

И на фаллопиевой, нежной,

Трубе игрец... [3]

Порой физиологичность – патологическая или шокирующая, воплощающая собой чистую негативность. И. Жеребкина писала о том, что «физиологизм» женской литературы 1990-х гг. стал ответом на долгий запрет советских времен [6]. Но поскольку период протестного характера женской литературы подошел к концу, а тема еще не исчерпана, стоит обратиться к поиску более долговременных оснований, способных объяснить происхождение жестоких и откровенных образов, а также само тяготение к ним поэтесс. И здесь архаика кажется более влиятельной, чем «оттепель» первых постсоветских лет.

По словам писательницы М. Арбатовой, тема ввода матери в зону критики в нашей культуре пока табуирована [14]. Мы вынуждены не согласиться. В рамках нашей темы можно ввести такой термин, как **негативное материнство**. И здесь образы материнства оказываются связанными с темой абортов, проституции, тяжелой женской доли, физического увядания женщины и подобными, – теми, которые представляют обратную сторону «здорового и красивого» материнства.

*<...> соберу-ка я трех пацанчиков
один племян, сестренки моей алкоголический сынок
другой – соседская девочка, по случаю мальчиком стала
а третий – муженька мово второе чадо
от евоновой подстилки, рыжей доярки [5, 53].
добежать до базы, выжить – выбыть
выбрать в жены женицину с мастопатией
как у мамы и как у матери мамы
бронированные сиськи, автоматическое письмо [5, 108].
Использованный презерватив
на ветке березы
в лютый мороз.
Генофонд [15].
Вернувшись в Москву,
она сказала:
теперь я знаю,
кто я есть в глазах Запада:
беременная лесбиянка,
которая спит с мужчинами
за деньги» [12, 9 – 10].*

Ярким примером негативного материнства является стихотворение Е. Костылевой, где отражены симптомы «маминой депрессии»:

*страх смерти,
ангедония,
отсутствие полового влечения,
потеря аппетита,
обожествление фигуры психоаналитика [10].*

Это тенденция, но вне ее рамок, тоже есть женская поэзия, которая продолжает линию позитива и идеализации, создавая «радостные» образы материнства. И все же они остаются в ведении традиционалистской поэзии, очень далекой от новейших течений и совершенно не ориентированной на какой бы то ни было новаторский поиск. Ярким примером здесь выступает поэзия Инны Кабыш. Ее строки

<...> Я есть мы,

Ибо мать с младенцем

Суть одно... [7] – вводят тему материнства с религиозным мотивом.

Ни власть, ни молодость, ни сила:

И лишь с младенцем у груди

я день и ночь в слезах просила:

«Мгновение, не проходи!..» [7] – мотив вечного материнства, связанный с архетипом Великой Матери и Девы в одном лице, встречающихся у Юнга.

Современная женская поэзия преподносит индивидуализированный образ матери и индивидуализированный образ материнства, которые могут встречаться в одном стихотворении. Например, в стихотворении Елены Костылевой «Пустое место» вырисовывается образ матери:

Пустое место вместо тебя...

– Пустое, будет...

Вот мамин голос

шепчет-увещает,

как на старой пластинке,

под которую засыпала,

шумовой фон.

Мамочка, тщетно...

Мамочка, тщетно

тщетно / тщетно/ [11].

И здесь же дан образ материнства:

Нет занятий более тщетных:

Уборка снега, лечение людей, рождение младенцев.

<...> Пыль на стеклах.

Младенец родился – руки мои холодные,

Не потетёшкать.

Доктор, доктор [11].

К современной женской поэзии применим такой термин, как **реальная мать**, т. к. образ матери и материнства конкретизируется, просматривается личность матери, ее внутренний мир, чего не было в фольклорной традиции. Это явление вполне закономерно: меняется культура, проходят литературные эпохи – меняются традиции, а следовательно, появляются и новые вариации образов материнства. Но вместе с тем архаичное понимание женщины-матери остается. Остается и идущая с древнейших времен **недооцененность** материнства, ведь высший смысл жизни женщины – дать новую жизнь – в

свете феминистских теорий понимается как упрощенно-биологическое предназначение женщины, как редукция ее социальных ролей. Свидетельством непреходящей ценности материнства являются голоса современной женской поэзии. Голоса, передающие или подразумевающие все, что уже было сказано, и создающие новую традицию. Выделенное нами негативное материнство ни в коей мере не снижает образа. Это полноправная часть современной культурной традиции. Образы материнства различны и в то же время устойчивы, и основой длительной инвариантности является сама жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахматова, А.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/verses/verses/148.htm>.
2. *Ахматова, А.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/17.htm>.
3. *Барскова, П.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianlife.nl/barskova.htm>.
4. *Боярских, Е.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sumin.moy.su/publ/27-1-0-54>.
5. *Вишневская, Я.*, ВОЗДУХ / Я. Вишневская, Г. Лоран // Журнал поэзии. 2006. № 4. С. 5 – 176.
6. *Жеребкина, И.* Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует / И. Жеребкина. – М., 2006.
7. *Кабыш, И.* Зелёная лампа. Литературный дискуссионный клуб. Женские голоса в современной поэзии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.herzenlib.ru/greenlamp/detail.php?ID=957>.
8. *Казакова, Р.* Кругозор. Журнал. 1983. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www/krugozor-kolobok.ru/83/03/83_03_13html/.
9. *Ковалева, Р.* Фольклорный калейдоскоп / Р. Ковалева. – Минск, 2009.
10. *Костылева, Е.* Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 7 (23). – М.: АРГО-РИСК, 2000. – 220 с., С.58 – 62. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon7/kostyleva.html>.
11. *Костылева, Е.* Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 6 (22). – М.: АРГО-РИСК, 1999. с.47 – 48. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon6/popova.html>.
12. *Маланова, М.* Просторечие: книга стихов / М. Маланова. – М.; Тверь, 2006.
13. *Маслова, В. А.* Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой / В. А. Маслова. – М., 2004.
14. Материалы творческих встреч с писателями, Минск. БГПУ – ИСЗ, 2006.
15. *Павлова, В.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/color10/10.html>.
16. *Цветаева, М.* Стихотворения. Поэмы / М. Цветаева. – М., 1991.

17. *Шопова, М.* Творчество, любовь, материнство в русской женской поэзии XX века (А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Ахмадулина) / М. Шопова // Преображение (Русский феминистский журнал), 1997, № 5. С. 62–80.